

Книга кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника ИВИ РАН Г.А. Шахотиной-Мордвинцевой "История Нидерландов" – первое в отечественной литературе учебное пособие, посвященное этой самобытной стране Западной Европы. Историей Нидерландов занимаются немногие специалисты за рубежом, а в нашей стране серьезному изучению отдельных аспектов истории Нидерландов посвятил свою научную деятельность лишь А.Н. Чистозвонов.

Учебное пособие, которое охватывает историю Нидерландов с древнейших времен до настоящего времени, предназначено в первую очередь студентам, преподавателям-историкам и молодым исследователям. Оно написано на основе обширной научной литературы и широкого круга источников, основательно исследованных автором.

Жанр учебного пособия определил методика изложения материала. Автор прежде всего подробно излагает события и факты. Перед нами предстает вся история Нидерландов в контексте европейской истории. Конкретный исторический материал раскрывается в глобальном, региональном, субрегиональном и страноведческом аспектах.

Автор ведет диалог со студентом через систему выделенных заголовками и подзаголовками небольших разделов основного текста, снабженных разнообразными пояснениями, дополнениями и иллюстрациями. Систематизируя ранее накопленные отрывочные данные, автор в итоге создает целостное представление об истории и культуре той или иной эпохи развития Нидерландов.

Для учебного пособия Г.А. Шахотиной-Мордвинцевой характерны следующие черты: во-первых, использование цивилизационного подхода к историческому процессу, предполагающего изучение своеобразия и самобытности истории нидерландского народа и этого региона; во-вторых, при изложении материала автор демонстрирует междисциплинарный подход к формированию курса истории и, в-третьих, подчеркивается тесная связь нидерландской истории с географией. Автор справедливо считает, что усвоение географической информации – необходимый компонент страноведческого образования. Идея связи географии с историей реализована и с помощью географиче-

ских карт. Они не только наглядно показывают важнейшие территориальные изменения в регионе, но в комплексе с историческими картами являются логическим продолжением текста, помогая синхронизировать изложенные в нем процессы исторического развития.

На наш взгляд, решение автора представить материал по различным периодам не в одинаковом объеме вполне правомерно. Большее внимание в пособии уделено новой и новейшей истории, а в этом хронологическом отрезке – истории становления и развития нидерландской колониальной империи, сыгравшей важнейшую роль в экономике страны, складыванию многопартийной системы, особенностям социальной структуры нидерландского общества.

Следует особо отметить главы и параграфы, посвященные развитию нидерландской науки и культуры. Материал, собранный в них, позволяет составить четкое представление о вкладе Нидерландов в мировое культурное и научное наследие, а также об основных направлениях развития современного нидерландского искусства. В текст повествования удачно вписаны портреты наиболее крупных нидерландских политических и общественных деятелей, выдающихся мыслителей, ученых, писателей, художников.

Учебное пособие Г.А. Шахотиной-Мордвинцевой позволит студентам не только получить глубокие знания по истории Нидерландов, но и расширить свои представления о важнейших событиях европейской истории и о месте Нидерландов на протяжении столетий в системе европейских государств. Многие события, свершившиеся в Нидерландах, приобрели общеевропейское значение, а опыт этой страны учитывался впоследствии малыми странами, как, впрочем, и великими державами, при определении курса своей внешней и внутренней политики.

Написанное ясным и четким языком учебное пособие содержит разъяснение вводимых понятий и необходимые обобщения. На его основе легко строить образовательный процесс. Оно необходимо при чтении лекционных курсов по истории стран Бенилюкс, но также может быть использовано в ходе изучения различных курсов по всемирной истории. Материал пособия отвечает потребностям регионоведческих исследований и исследований по международным отношениям.

Результатом кропотливой работы автора стали подробная хронологическая таблица, генеалогическая таблица, сопровождаемая исторической справкой о правящей династии Орлеанских Нассау, обширная библиография, скомпонованная по частям и разделам книги. Автор составила информативную таблицу всех правительственных кабинетов за 1848–2007 гг. и завершила пособие именным и географическим указателями (что большая редкость для учебной литературы).

Учебное пособие полностью отвечает российским образовательным стандартам, выполнено на высоком научном и методическом

уровне и учитывает конкретный опыт работы университетов со студентами, изучающими нидерландский язык, а также литературу, географию и культуру страны изучаемого языка.

Думается, книга Г.А. Шахотиной-Мордвинцевой, предназначенная студентам, аспирантам и преподавателям вузов, привлечет внимание широкого круга историков, политологов, филологов, искусствоведов, словом, всех, кто интересуется историей стран Западной Европы.

А.С. Намазова,
доктор исторических наук

J.-C. Martin. VIOLENCE ET LA RÉVOLUTION. ESSAI SUR LA NAISSANCE D'UN MYTHE NATIONAL. Paris: Seuil, 2006, 325 p.

Ж.-К. Мартен. НАСИЛИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ. ОЧЕРК О ПОЯВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МИФА. Париж, 2006, 325 с.

Тема насилия в период Французской революции конца XVIII в. по-прежнему остается предметом пристального внимания историков, о чем свидетельствует новая монография директора Института Французской революции Ж.-К. Мартена.

В этой книге автор попытался провести грань между понятиями “насилие” и “террор” и показать, что в отличие от террора, имевшего, по его мнению, место в 1793–1794 гг., насилие должно рассматриваться в более широком контексте. С одной стороны, для Ж.-К. Мартена насилие – это часть прочно укоренившегося в сознании образа революции, с другой стороны, подчеркивает он, “насилие служило средством манипуляции в ходе политических дискуссий и было интегрировано государством в систему политического управления” (с. 308).

Такое понимание насилия близко к трактовке террора историками критического, или ревизионистского, направления. Террор, полагал Ф. Фюре, являлся “неотъемлемой частью революционного правительства”, инструментом, “посредством которого революционная диктатура Парижа намеревалась дать почувствовать свою железную руку повсюду, в провинциях и в армии”¹.

В то же время Ж.-К. Мартен не отвергает и традиционной как для сторонников А. Собуля²,

так и для советской историографии³, “теории обстоятельств”, оправдывавшей революционное насилие сложной внутри- и внешнеполитической обстановкой. Однако теперь он говорит не о нехватке продуктов, голоде, войне, а об острейшем идеологическом кризисе, настаивая на том, что для того, чтобы понять революцию, надо представить не только гильотину, но в первую очередь те обязанности, которые выпали на долю ее главных действующих лиц. Ведь, по выражению Ж.-К. Мартена, “революция была лабораторией, где проводились опыты над человеческой свободой” (с. 217). В ходе этих экспериментов происходило глубокое обновление общественной жизни, создание новых ценностей и идеалов, когда французы переживали потрясение, сопоставимое с тем, которое их соотечественники испытывали в конце XIX – начале XX в. в связи с появлением электричества и телеграфа.

В ходе революции, подчеркивает автор, французы отвергали прочно укоренившиеся в сознании многих моральные устои, создавали “новые, зачастую противоречивые ценности, поставив во главу угла понятие Родины”. В своем стремлении “установить равновесие в обществе многие отказывались от роскоши”. Иными словами, заключает автор, французы делали выбор между “республикой торговли”, “республикой морали” и “демократией мелких

¹ Furet F. Terreur. – Dictionnaire critique de la Révolution Française. Paris, 1988, p. 157–159.

² См., например: Mazauric C. Jacobinisme et Révolution. Paris, 1984.

³ См., например: Манфред А.З. Великая французская буржуазная революция XVIII в. М., 1956.

собственников” (с. 306). Надо было отвечать на вызов, брошенный им эпохой, вследствие этого они считали себя вправе выйти за рамки своих полномочий и отодвинуть вопросы жизни и смерти на второй план. Этим и объясняет Ж.-К. Мартен появление насилия в политической жизни Франции.

В его монографии революционеры предстают как очень практичные люди. Но в этом, считает автор, не их вина. Захваченные врасплох водоворотом революции, они с трудом сознавали, в центре каких важных событий оказались. Поэтому им прежде всего необходимо было реагировать на происходившие в стране социальные и политические изменения, а не пытаться претворить в жизнь некие туманные теории.

В этом смысле исследование Ж.-К. Мартена перекликается с монографией Т. Такетта⁴, где показана обстановка, в которой приходилось работать депутатам Национального собрания, когда из-за непрекращавшихся волнений их неоднократно вынуждали прерывать ход заседаний, откладывать работу над конституцией и переходить к более насущным вопросам, требующим безотлагательного решения.

Сравнивая французских революционеров с их американскими коллегами, Ж.-К. Мартен пишет, что хотя они были людьми образованными, но по преимуществу провинциалами, и им казалось, что участие в политической жизни страны придает им особый политический вес, некое величие. В погоне за этим величием они окружили себя ореолом таинственности, создали миф о Революции, всячески превозносили свои заслуги, “полагая, безо всяких на то оснований, что делают Революцию, хотя на самом деле принимали участие в общем деле переосмысления жизненных норм” (с. 305).

Однако в этих фантазиях, не имеющих ничего общего с реальностью, рождались величественные и прекрасные идеалы революции, которые влекли за собой переоценку нравственных правил, создание новой системы ценностей, когда “возвышенное” становилось мерилом нового образа жизни. В этих играх в высокие идеалы принимали участие абсолютно все “актеры”, принадлежавшие к разным течениям, сформировавшимся в ходе революционных событий. Причем каждый стремился отстоять свое право на величие, поэтому обрушивался с беспощадной критикой на политических оппо-

нентов. Так, умеренные революционеры обвиняли своих более радикально настроенных коллег в том, что они использовали насилие в качестве политического инструмента, обнаруживая тем самым “значительные расхождения между теорией и практикой революции, между основами создаваемого ими государственного строя и республиканской добродетелью” (с. 296).

Именно благодаря этим спорам, стремлению создать нечто “великое” происходили, как полагает Ж.-К. Мартен, коренные изменения в сознании людей, вследствие чего Франция и вступила на путь формирования современного гражданского общества и были заложены основы коллективного мышления, многие элементы которого проявляются и по сей день.

Таким образом, в концепции автора обнаруживается противоречие: с одной стороны, он отказывается творцам революции в их великой роли, с другой – признает их заслугу в формировании нового образа мышления.

Подобное понимание роли революционеров вновь сближает Ж.-К. Мартена с историками школы А. Собуля. В частности, один из исследователей социально-экономических процессов, происходивших в ходе Французской революции, Г.Р. Икни, также отмечает “перестройку” в сознании людей. Боязнь голода и нехватки продуктов побудила их перейти к более решительным действиям, они начали настаивать на своем праве иметь хлеб, и это стало первым признаком появления нового общества⁵.

Ж.-К. Мартен предпринял попытку примирить традиционную и “ревизионистскую” трактовку революционного насилия, но ему все же не удалось четко разделить понятия “насилие” и “террор”. Зачастую они звучат как синонимы. Несмотря на это, монография Ж.-К. Мартена представляет собой интересное, оригинальное исследование, предлагающее свою особую интерпретацию революционного насилия, объяснение которого еще долго будет волновать умы историков.

В.Ю. Сергиенко,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры региональных исследований
МГУ

⁴ Tackett T. Par la volonté du Peuple. Comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires. Paris, 1997.

⁵ Ikni G.R. La critique paysanne radicale et le libéralisme économique pendant la Révolution Française: droit social, économie morale ou économie politique populaire? – La Révolution Française et le monde rural. Paris, 1989, p. 508–509.

DIE KENNTNIS RUSSLANDS IM DEUTSCHSPRACHIGEN RAUM IM 18. JAHRHUNDERT. WISSENSCHAFT UND PUBLIZISTIK ÜBER DAS RUSSISCHE REICH. Hrsg. Dittmar Dahlmann. Bonn University Press, 2006, 313 S.
СВЕДЕНИЯ О РОССИИ В НЕМЕЦКОГОВОРЯЩЕМ ПРОСТРАНСТВЕ XVIII В. НАУКА И ПУБЛИЦИСТИКА О РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. Bonn, 2006, 313 с.

В книге опубликованы материалы коллоквиума "Сведения о русских в немецкоговорящем пространстве XVII и XVIII вв.", который проходил 24–25 февраля 2004 г. в Библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле (ФРГ) по инициативе профессора Боннского университета Д. Дальмана. Во введении к изданию Дальман отмечает, что сегодня нет широкого представления об отношениях в области научных исследований между Россией и Германией. Особенно это касается немецкоязычной историографии XVIII в. о России, которая в настоящее время известна лишь узким специалистам. Лишь в 80-е годы XX в. в ГДР с соответствующей идеологической подоплекой была проведена работа по изучению немецко-русских связей в области научных исследований (с. 7–8).

Статьи тома характеризует логическая взаимосвязь – как хронологическая, так и тематическая. М. Вельке посвятил свою работу публикациям о России в германской ранней периодической печати. Ученый поставил следующие вопросы: 1. Кому была нужна и для кого вообще предназначалась информация о России XVII и XVIII вв.? 2. Имела ли научная общественность монополию на эти знания, или же сведения о русских доходили и до значительной части населения Германии? На эти вопросы следует ответ: "удивительные" результаты вербовки иностранных специалистов при Петре I и распространение поселений немцев до Волги сложно объяснить, если Россия для простых немцев оставалась "terra incognita". Информация о России попадала к бюргерам прежде всего через газеты (с. 10). Уже в последние годы регентства царевны Софьи в каждом втором или третьем номере немецких газет помещались известия из Московского царства. С основанием Санкт-Петербурга Россия регулярно оказывалась в фокусе внимания немецких газет. При этом, в отличие от известных описаний путешествий в Россию от Герберштейна до Олеария и Мейерберга, газеты не сообщали об образе жизни и государственной системе, ограничиваясь короткими ежедневными отчетами. Поскольку в течение всего XVIII в. информация о России в рамках книг, журналов и брошюр могла успешно конкурировать с газе-

тами, их общий тираж неуклонно рос. За время Семилетней войны (1756–1763 гг.) он вырос в 6 раз (с. 12). Особенно популярным было "Рейнское обозрение", издававшееся в 1789 г. в количестве 30 тыс. экз. Для сравнения – тираж английской "Times" – 50 тыс. экз. (с. 21). В заключение статьи ее автор отмечает: то, что немецкие газеты в XVII–XVIII вв. давали представление о других государствах, в том числе и о России, делало их популярными среди населения.

Историю прессы продолжает изучать А. Бломе в статье "Газеты есть основа, наставление и путеводная нить всего благоразумия". Автор утверждает, что немецкие газеты были основой историографии о России в XVII и XVIII вв. Современный исследователь, реконструирующий представления немцев о России, не сможет обойтись без обращения к газетам того времени. Пресса имела универсальное содержание, напоминавшее хронику событий и понятное многим людям, а прагматическое отношение редакторов к новостям отвечало ожиданиям читателей (с. 26). Вместе с тем, информация, помещавшаяся в газетах, контролировалась аппаратом власти того или иного германского правителя. Во время Северной войны публикации пропагандистских материалов о России и Швеции расширилась. Эти официальные материалы были не только легко доступны, но и стали для немцев едва ли не единственным источником сведений о происходивших событиях. Тогда же появилась краткосрочная периодика, например, "Исторические известия о Северной войне", издававшиеся в Йене в 1716–1719 гг. (с. 31–32). Первая немецкая биография императора Петра Великого 1725 г., основывалась преимущественно на материалах лейпцигской "Europaischen Fama". В состав редакции этой газеты входила научная элита Лейпцига.

Сведения о России в галльском издании английской "Всеобщей истории" отражены в статье М. Шиппана. В 1765 г. в Галле в издательстве И. Ю. Гебауэrsa вышел в свет 29-й том "Всеобщей истории", посвященный истории России и Польши и представлявший собой немецкий перевод 35-го тома соответствующего

издания Великобритании. Шиппан подчеркивает, что до того момента не было случая, чтобы лютеранские университетские города Галле и Лейпциг, издательства которых ранее печатали религиозную литературу, взялись за такой труд: в середине XVIII в. возникла необходимость в новых представлениях о мире в духе Просвещения. Интерес к России и Польше подогревался тем обстоятельством, что королями Речи Посполитой с конца XVII в. были саксонские курфюрсты. В 1767 г. вышло в свет второе издание 29-го тома, что свидетельствовало о его популярности. Исходя из информации автора статьи о предпринятом в Галле издании, его можно считать "прорусским": Иван Грозный признается великим царем, единственной ошибкой которого была опричнина, не говоря уже о Петре Великом, полностью оправданном в убийстве собственного "недалекого" сына. Шиппан называет "Историю России и Польши" собранием ценных фактов для немецких бюргеров, теологов и дипломатов (с. 66).

Большинство статей посвящено исследованиям России XVIII в. учеными из германских земель, поселившимися в России или путешествовавшим по ней. Деятельность теолога, педагога, географа и историка века Просвещения А.Ф. Бушинга раскрывает П. Хофман. Личность Бушинга интересна прежде всего тем, что он защитил первую немецкую диссертацию о России – "Герхард Фридрих Миллер и значение его трудов по географии России XVIII в.". Его перу принадлежит также "Ученые записки из России и о России" и многотомное "Новое описание земли" – основная работа всей его жизни. В области исторического знания Бушинг был оппонентом А. Л. Шлёцера, вел с ним "профессорскую перебранку" по поводу норманнской мифологии и "законного основания империи" русской аристократией. При этом между Шлёцером и Бушингом были добрые отношения, они вели активную переписку, а их научные споры стимулировали интерес немцев к России (с. 83).

Х. Кейперт на примере деятельности теолога из Галле Я. Родде пишет о первых русских грамматиках, изданных немцами. Кейперт справедливо утверждает, что культуру народа нельзя понять, не зная его языка и для изучения истории страны необходимо изучение источников. Первая грамматика русского языка, включая церковнославянский, была издана в Германии в 1696 г. Автор статьи отмечает, что в XVIII в. регулярного изучения русского язы-

ка в школах не было, но в России существовали школы для немцев в Риге, Санкт-Петербурге и Москве, что позволяло приезжим иностранцам адаптироваться в России. Грамматика Родде, помимо словаря, включала историю русского языка, русский и немецкий алфавит. Неудивительно, что было много компиляций этого труда. Родде активно общался с М.В. Ломоносовым, одобрявшим его деятельность в России (с. 85–94).

Две статьи тома – Г. Бухер о восприятии писем Г.Ф. Миллера в Европе и совместная работа М. Петерса и Д. Винкельмана о карьере А.Л. Шлёцера в Санкт-Петербурге – посвящены деятельности ученых, имена которых известны еще по школьному курсу истории. Бухер не сосредотачивается на ожесточенных спорах Миллера с Ломоносовым – она оценивает его реальный вклад в историческую науку, в европейские знания о России. Историк, географ и этнограф Миллер был первым иностранцем, награжденным орденом Св. Владимира III-й степени за вклад в русское Просвещение. Этот ученый также являлся членом Королевского общества в Лондоне, Шведской Академии в Стокгольме, Академии в Париже и Геттингенского научного общества. Миллер совершил вместе с В. Берингом экспедицию на Камчатку в 1725–1730 гг., а затем предпринял 10-летнее путешествие по Сибири, о чем и рассказал в своих письмах в Европу, где ничего не знали о востоке Российской империи. Эти письма породили в европейском обществе дискуссию о правомерности расширения России на восток и реальном существовании сибирских и дальневосточных земель. Миллер составил карту Камчатки и написал работу "Очерки русской истории", вызвавшую неприятие Ломоносова (с. 112–114). Бухер подчеркивает дискуссионный характер деятельности Миллера и жалеет, что многие его работы утрачены. В настоящее время ряд его писем публикуются впервые.

Петерс и Винкельман обсуждают проблему: как оценить деятельность Шлёцера в России, если такие влиятельные ученые, как Миллер и Ломоносов, выступали против него? Ломоносов даже прервал публикацию его "Русской грамматики". По мнению авторов, Шлёцер был противоречивой натурой, карьеристом, достигшим быстрого успеха в России. Он пользовался благоволением Екатерины II и государственного советника И. Тауберта. Однако Шлёцер создал программу исследований по

русской истории, особенно ранней, основанной на выявлении и верификации источников.

Статья Штольц посвящена варяжскому вопросу в немецкой историографии XVIII в. Исследование и восприятие этой проблемы зависели от того, от каких источников отталкивались ученые и в какой степени на них влияли предшественники. Такими источниками и исследованиями являлись "Повесть временных лет", "Степенная книга" времен Ивана Грозного, из которой ссылки на господство варягов были удалены, киевский "Синописис" XVII в., свидетельствовавший, что "варяги" говорили на славянском, и сочинение путешествовавшего по Московскому царству в XVI в. Герберштейна, знавшего русский язык и являвшегося сторонником происхождения варягов из Скандинавии, точнее, из "голландской" провинции Варгиен. Мнение Герберштейна вызвало у немецких ученых особый интерес, изрядно подогремый установлением династических связей при Петре I с германскими княжествами.

Из статьи Ф. Венланда читатели узнают о деятельности в России зоолога, ботаника, географа, этнографа и лингвиста П.С. Палласа. Он был автором сочинений "Российская флора" (1784–1788), "Русско-азиатская зоография" (1811–1831). Как результат его участия в академических экспедициях в Крым в 1771, 1773 и 1776 гг. вышло в свет трехтомное "Путешествие по различным провинциям Российской империи". Паллас сообщал новые сведения о России, которые распространились по всей Европе. Правда, замечает Венланд, восприятие его работ было, скорее, литературно-познавательным (с. 169).

Натуралист и этнограф И.Г. Георги, как отмечено в статье Н. Астриной, относился к тем эмигрантам, которые, как и Паллас, на родине не могли найти применения своим талантам. В России же экспедиции Академии наук были важным и хорошо финансируемым проектом. Георги, исследовав в экспедициях Сибирь, Юг и Центр России, был первым, кто на основе этнографического материала дал описание жизни русского крестьянства, к которому у Георги было позитивное отношение: он отмечал его способности, изобретательность в достижении цели. Однако суровые условия жизни мешали экономической продуктивности крестьянского труда (с. 194–195). Георги как будто не замечает проблему крепостных, но

его оправдывает то, что в основном ученый описывал крестьян Сибири. Сочинением Георги, получившим европейское признание, было "Описание всех наций Российской империи" (1776 г.). В этой работе на основе лингвистической классификации охарактеризовано 80 этносов. Отдавая дань своим натуралистическим интересам, Георги описал российскую флору в двухтомном труде "Физико-географическое и природное описание Российской империи" (1797–1800).

Интересен очерк Д. Дальмана "Философ, историк культуры и народного искусства Кристоф Майнерс о России конца XVIII в.". Впервые, любопытны теоретические воззрения Майнерса, воспринявшего идеи английских эмпириков и философию Э. Канта. Сочинения Майнерса "Основы истории человечества" легли в основу расовой теории, хотя ученый исходил из моногенеза человечества. При этом он отталкивался от европоцентристской системы ценностей, в которой, по его мнению, германский народ занимал первое место, принадлежал к категории "кельтской расы", тогда как "славянской расе" он приписывал кавказское происхождение. В 1798 г. вышла в свет его работа "Сравнение древней и новой России", написанная в дружественном ключе по отношению к славянским народам. Майнерс подчеркивал разницу между Россией до Петра I и после него, и пришел к выводу, что русские имеют большие возможности развития.

В последней статье издания, написанной У.И. Шнайдером исследуются сведения о России в 68-томном "Универсальном лексиконе" И.Г. Зедлера, издававшемся с 1732 по 1754 гг. На примере "Лексикона" автор изучает представления о русских в энциклопедиях XVIII в. В ней подробно дается нумерация томов, статей и страниц различных энциклопедий, содержащих сведения о России.

В целом, несмотря на большое разнообразие исследований, их авторов объединяет российская тематика, а также отмеченная почти в каждой статье деятельность немецких ученых в духе Просвещения, их стремление к новому знанию.

Л.И. Иволина,
доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
Смоленского государственного университета